

ОГОНОЕКЪ

Иллюстрированное Обзорное
общественной и политической жизни, науки и изящных искусств
ПРИЛОЖЕНИЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 7

Пятница, 4 (17) марта 1905 г.

№ 7

Исторія народа и война.

Поучительная былина. — Сухопутная колонизація. — Ермакъ. Наши главнѣйшія открытія. — Заморская колонизація. — Что дастъ успѣхъ на войнѣ.

1.

За внѣшнимъ блескомъ побѣдъ и почестей побѣдителямъ-вождямъ, забываются тѣ, кому обязаны побѣдители.

Любопытный обычай существовалъ у римлянъ въ эпоху республики, когда народъ сознавалъ свою державную силу. Триумфаторъ долженъ былъ слушать пѣсни и замѣчанія, въ которыхъ солдаты критиковали его недостатки. Ту же идею выражаетъ наша былина объ Ильѣ Муромцѣ и царѣ Калинѣ. Князь Владиміръ развѣдалъ на богатырей. Посадилъ Илью Муромца въ темницу. Всѣ богатыри его покинули. Но вотъ напали татары. Илью Муромца князь выпустилъ, чтобы отстоять Кіевъ. Идетъ Илья за богатырями, но тѣ отказываются помочь. Тогда Илья одинъ разбиваетъ татаръ и спасаетъ князя Владиміра и Кіевъ.

Поучительная былина!

Илья Муромецъ — представитель крестьянства, оставившаго деревню для вольнаго житія въ степи или въ лѣсу. Собрательный Илья Муромецъ, — наше казачество, колонизовавшее обширнѣйшую въ мірѣ территорию. Сибирь была приобрѣтена казаками. На самомъ концѣ ея, въ увѣковѣченіе памяти, голый

утесъ носить козацкое имя Дежнева. Первыми пионерами колонизаціи уже государствомъ завоеванныхъ областей Кавказа и Туркестана были также казаки. Сухопутная колонизація — это стихія нашего народа. Заморская имъ не удалась. Захватъ Аляски, проданной въ 1868 году американцамъ, говорить не въ пользу нашихъ заморскихъ колоній. Запорожскіе челны гибли въ морской пучинѣ отъ турокъ, и нашимъ смѣльчакамъ оставались лишь степь и рѣки для колонизаціи. Заморская затѣя Ашинова въ Африкѣ доказала съ неопровержимостью, что сухопутное государство не можетъ поддерживать заморскихъ колоній. Наконецъ, въ наше время поиски Бѣловодія, гдѣ три казачиуральца являются не только искателями приключеній, но и развѣдчиками новыхъ мѣстъ, гдѣ бы могла на свободѣ отъ религіозныхъ преслѣдованій жить казачья община, — показываютъ, что исканіе заморскихъ колоній существуетъ и доселѣ въ народѣ.

Такъ же неудачна государственная заморская колонизація. Правда, это только начало. „Первый блинъ комомъ.“ Теперь трудно оспаривать, что неудачно приобрѣтенъ Портъ-Артуръ равнѣе, чѣмъ угольные стаяціи.

Гдѣ можетъ быть база нашего флота? Если бы государство всегда слѣдовало за народнымъ теченіемъ, какъ видимъ это въ московскій періодъ, то, конечно, мы имѣли бы на Аляскѣ въ Новоархангельскѣ или другомъ пунктѣ въ тылу Японіи — свою гавань.

2.

Нельзя того же сказать о народной сухопутной колонизаціи. Ермакъ, новый Илья Му-

ромецъ, покорилъ Сибирь. Грозный царь далъ помощь казакамъ. Сибирь оказалось удобной для колонизаціи. Преемники Грознаго послали постепенно дальше и дальше на востокъ воевать, не стѣсня и поддерживая казачье движеніе вплоть до Великаго океана. Петръ Великій послалъ экспедицію опредѣлить, соединятся-ли Азія и Америка, — послалъ помощь казакамъ, перелышшимъ проливъ. Не суждено ему было знать ея результатовъ. Экспедиція Беринга въ 1741 году открыла проливъ, который на сто почти лѣтъ раньше перплылъ Дежневъ. Но удержалось за проливомъ названіе Берингова, какъ удерживалось послѣ Петра Великаго петербургское правительство отъ необходимой поддержки государствомъ народной колонизаціи. Морскія экспедиціи въ Великомъ океанѣ носятъ какой-то интернаціональный отпечатокъ. Намъ многое открыто и ничего не присоединено. Островъ Суворова и др. имена уже на нашихъ глазахъ получаютъ нѣмецкія и англійскія названія. Японцевъ не пускаютъ морскія націи на острова Великаго океана въ Полинезіи. Будетъ-ли въ ближайшемъ будущемъ Великій океанъ егронейскимъ Архипелагомъ, или америкаскимъ — намъ, націи сухопутной, мало горя. Рыбу ловить на нашихъ берегахъ врядъ ли намъ особенно помѣчаютъ. Морская Европа должна насъ храпнуть, какъ буферъ противъ желтой расы.

Грозны мы насунѣ. На морѣ насъ никогда не боялись. Всюду при парусномъ флотѣ наши суда были желанными гостями. Я говорю про военный флотъ. Торговцы иностранцы богатѣли отъ морской торговли, а мы с крушали Турцію, чтобы отдать ее англичанамъ и нѣм-

Генералъ-лейтенантъ А. М. Стессель.
Съ фотографіи К. Булла, снятой на дняхъ въ С.-Петербурѣ.

Ген. Рѣвъ.

Ген. Ноги.
Ген. Стессель.

Переговоры о капитуляціи Портъ-Артура въ главной квартирѣ генерала Ноги.

дамъ. Нашъ флотъ торговый не существовалъ, какъ и теперь. Чего мы искали на океанахъ? Славы открытій. Какъ хороше былъ бы для насъ берегъ Миклухи-Маклая на Новой Гвинее! Но мы дѣла этого подвижника не поддержали.

Порвалась послѣ Петра Великаго нить между государствомъ и народомъ.

Всѣ помыслы государства направлены сначала на отношеніи къ Западу, главнымъ образомъ, на освобожденіе русскихъ отъ польскаго ига, а потомъ на выходъ изъ Чернаго моря. Перваго почти достигло государство. Второе оказалось неосуществимымъ въ виду противодействия Европы: здѣсь мы стали бы на пути ея всевѣтнаго морскаго вліянія. Въ борьбѣ за выходъ изъ Чернаго моря мы растратили силы, и на Дальнемъ Востоке лишь могли удержать Амуръ, отказавшись отъ Аляски. Народная колонизація Сибири, предоставленная собственнымъ силамъ, тормозилась въ петербургскомъ періодѣ исторіи учрежденіемъ въ Сибири каторги.

Изъ-за петербургскаго тумана не видно было жизни великаго народа, жизни всегда и всюду опирающейся на колонизацію. Завоеваніе Кавказа и Туркестана расширило сферу колонизаціи, но не дало ей новаго направленія на югъ, потому что это завоеваніе повторило политику ссылки въ новопріобрѣтенныя области.

Духоборы и менониты на Кавказѣ тому печальный примѣръ.

3.

Государство пріобрѣло заморскія колоніи, но пошло къ нимъ сухимъ путемъ по манчжуркѣ безъ народа. Морской подготовки этого дѣла не было сдѣлано.

Мы молодые моряки, мы только начинаемъ. Но начало-то „большо“ неудачно. Испугавшись далекаго морскаго похода, мы готовы были двинуться чрезъ Ледовитый океанъ, по нашему морю, никѣмъ не оснашиваемому за негодностью для плаванія.

Надежды на бронированный „Ермакъ“ не оправдались. Кольчуга утопила казака въ рѣкѣ Иртышѣ. Бронированный кулакъ нуженъ морскимъ колонистамъ для нападенія, а намъ лишь для защиты. Расходы на флотъ будутъ такъ же не производительны, какъ невозможна была борьба запорожцевъ съ турками, ашиновцевъ съ французами. Пожреть вновь нашъ флотъ морская пучина, а мы, казаки-колонизаторы, должны будемъ идти по рѣкамъ и степямъ. Мы не морскіе колонисты.

Опытъ народной и государственной колонизаціи показалъ нашу несостоятельность въ этомъ отношеніи.

Это надо сознать и создавать не училища дальняго плаванія, а сухопутной колонизаціи, т. е. земледѣльчествія, техническаго, торговля, смотря по потребностямъ мѣста.

Морскимъ народомъ мы не сдѣлаемся, хотя бы и одержали побѣду надъ Японіей на морѣ.

Я вѣрю словамъ Суворова: „побѣждаетъ душа человѣка, а не руки, ноги“. Если мы и побѣдили бы Японію на морѣ, то Америка, Англія и Германія не дадутъ намъ мѣста на морѣ. На нашей территоріи намъ довольно и мѣста и работы. Не умѣли мы до сихъ поръ обрѣсти богатства по нашему невѣжеству. Нашъ мужикъ еще вѣрится Перуну, и Милула Селяниновичъ все еще боится, какъ бы у него не украли сохи. И правильно: рядомъ съ нимъ давно уже живетъ загадочный драконъ, который ревностно стережетъ не то золото, что зарыто въ Манчжуріи и Монголіи, а ея плодородную почву, необходимую ему для колонизаціи.

Въ настоящей войнѣ Китай несомнѣнно

помогаетъ Японіи, а мы все громче и громче злимся на Англію. Одна ли она противъ нашей морскаго колонизаціи? Мы неправильно упрекали ее, что она за золото и брилліанты бурскій земли вела тяжелую войну три года. Если бы такъ это было, то и нашихъ искателей приключеній на „манчжуркѣ“ привлекли золотыя росыпи Манчжуріи. Мы готовы думать, что удержаніе за собой этихъ росыпей насъ обогатитъ и сдѣлаетъ сильнѣй. Но нигдѣ и никогда ходъ исторіи не зависѣлъ отъ золота. Много его имѣла Испанія съ пріобрѣтеніемъ Америки, но мало колонистовъ землеробовъ въ широкомъ смыслѣ. Страна солдатъ и монаховъ погибла съ пріобрѣтеніемъ американскаго золота. Не въ чести у нея былъ трудъ землероба-мавра и торговца-еврея. А трудъ и знаніе—истинная основа силы и могущества, не могли ея солдатамъ и монахамъ дать того въ исторіи, что дано нѣмцамъ, такъ поклоняющимся этимъ идоламъ, а не золотому тельцу.

4.

Не золото даетъ побѣду въ морѣ и на войнѣ. Государство, желая сохранить свое вліяніе на сосѣдей, должно не забывать, что исторію всѣхъ народовъ создалъ народъ, колонизаторъ землеробъ или торговецъ. Защита территоріи во всѣ времена—защита колонистовъ. У насъ эта сторона исторіи менѣе всего сознается, въ виду зловреднаго вліянія тенденціи нухъ ученыхъ и учебныхъ книгъ. Тамъ по преимуществу хвала триумфаторамъ, а нѣтъ и слѣда критики народа. „Народъ безмолвствуетъ“. Только былины еще помнятъ эту критику. Для выясненія будущаго, мы должны обратиться къ народной исторіи.

Правду надо устроить въ своей землѣ. А для этого надо старательно изучать свою страну. Мы ея не знаемъ, если можемъ писать *): „Японія вступила на путь промышленныхъ государствъ потому, что этотъ путь быстрое другихъ ведетъ къ обогащенію, хотя въ то же время онъ и наиболее опасенъ для населенія государства. Ей волею-неволею пришлось искать покупателей. Таковыми могли быть только ближайшіе сосѣди, корейцы и китайцы Сѣвернаго Китая. Конечно, Японія предпочла бы торговать съ болѣе населеннымъ и болѣе богатымъ Южнымъ Китаемъ, но тамъ она встрѣчаетъ сильныхъ соперниковъ въ торговлѣ въ лицѣ англичанъ, нѣмцевъ и американцевъ, которые также заняты поисками новыхъ рынковъ для сбыта. Между тѣмъ, въ Корей и Манчжуріи она не встрѣчаетъ себѣ иныхъ соперниковъ кромѣ русскихъ, промышленность которыхъ до сихъ поръ еще слабо развита“ **).

Оставимъ критику этого текста историкамъ, особенно тѣмъ, кому дороги мнѣологія бабушекъ и бабункины сказки.

Развѣ, съ точки зрѣнія современной дѣйствительности, нашъ фабрикантъ можетъ удовлетворить всѣмъ внутреннимъ народнымъ рынкамъ? Посмотрите, г. полковникъ, надписи на ситнахъ и колѣнокорахъ Саввы Морозова и др. Развѣ нашъ пахарь бросилъ бы свою деревенскую свободу, развѣ онъ промѣнялъ бы ее на фабричный трудъ, если бы искусственно привитая промышленность обрабатывалась государствомъ въ ущербъ земледѣлію. Нашимъ сахаромъ откармливаются англійскія свиньи. А народу приходится пить чай въ приглядку, потому, что торговый балансъ нашъ съ минусомъ.

*) „Когда, и какъ окончится наша война съ Японіей“. Составилъ подполковникъ Заустинскій. Спб. 1905.

**) Кстатіи и составители учебниковъ географіи не грѣшимъ въ познаніяхъ по этой наукѣ.

Народъ не понимаетъ временной государственной необходимости займовъ и вооруженій для защиты его же достоянія—земли. Но я спрашиваю, развѣ нашъ народъ да и образованное общество, не знаящее своей страны, можетъ подумать, что „эта война для Россіи—вопросъ жизни и смерти“, какъ пишетъ цитированный авторъ. Сибиряки это хорошо понимаютъ. Страннички и босяки, учителя географіи нашего народа, отлично сознаютъ „желтую опасность“. Но военная непогода настолько заглушила ихъ голосъ, что нашъ землеробъ, забывши о своемъ же братѣ, умирающемъ на поляхъ Манчжуріи, въ городѣ уже видитъ свое будущее.

Онъ не понимаетъ, что теперь ни городъ не можетъ существовать безъ деревни, ни деревня безъ города. Много знаній техническихъ, военныхъ и другихъ надо, чтобы побѣдять врага.

Больше всего необходимо единство.

Это единство можетъ создать лишь сознаніе всей важности настоящаго историческаго момента, но объясненія его, повторяю, надо искать не въ бабункиныхъ сказкахъ нашей исторіи, манкировавшей народомъ, а въ современной географіи. Надо безотлагательно устраивать чтенія и выяснять міровое положеніе Россіи и это не только для „простого человѣка“, какъ дѣлаетъ цитированный авторъ, но и для нашей интеллигенціи, воспитанной въ школахъ „непротивленія злу“.

Федоръ Шубинъ.

Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ.

Вегетарианство.

Пріѣздъ убѣжденнаго и вѣрующаго позитивиста Фрея внесъ много свѣжести и духовной новизны въ жизнь Ясной Поляны.

Левъ Николаевичъ впервые (это было въ 1885 г.) услышалъ отъ Фрея проповѣдь вегетарианскаго пища и впервые увидѣлъ человѣка, сознательно отрешающагося отъ всякой убоины.

— Какъ это хорошо! Какъ это хорошо!—восторгался Левъ Николаевичъ.—Но можетъ-ли одна растительная пища быть достаточною для человѣка?

— Достаточно даже однихъ пшеничныхъ зерезъ,—отвѣтилъ Фрей.—Стоить ихъ только просунуть и употребить въ ѣду.

— Какъ, не въ молотомъ видѣ?—ужаснулся Левъ Николаевичъ.

— Но есть-ли у человѣка лучшая мельница, чѣмъ его собственный ротъ?—фигурально отвѣтилъ Фрей и вызвалъ бурю восторга этимъ отвѣтомъ.

Восхищенію Льва Николаевича не было границъ. Онъ обнималъ Фрея, цѣловалъ его и всячески выражалъ ему свое расположеніе.

— Я говорю о зернахъ,— продолжалъ Фрей,—потому что теперь ихъ какъ будто легче добывать. Но, въ сущности, человѣку свойственна не эта злчвая, добываемая на поляхъ пища. Человѣку свойственна пища другая, еще болѣе благородная, ради добыванія которой онъ не долженъ прибѣгать къ срѣзыванію или вырванію стеблей, т. е. къ тому же убійству растенія. Къ радости краткаго духа нашего, сама природа строенія тѣла человѣческаго учитъ насъ жить и кормиться чудною пищей, полной райскихъ ароматовъ дѣвственныхъ саловъ, бывшихъ на зарѣ прекраснаго утра земной жизни. Да! И строеніе зубовъ, и длина кишечника съ неопровержимой ясностью доказываютъ, что

человѣкъ не хищное животное, проглатывающее растерзанную чужую жизнь. У него нѣтъ тѣхъ рѣдко-сидящихъ въ челюсти и острокопечныхъ зубовъ, какіе нужны хищнику. И длина кишечника у него гораздо больше, чѣмъ у хищныхъ животныхъ, у которыхъ кишечникъ короткій, потому что пища проходить болѣе короткій путь всасыванія. Эти два обстоятельства лучше всякихъ трактатовъ доказываютъ уродливость нашего питанія мясомъ. Оно не свойственно намъ, и никакое искусство нашей кухни съ ея виртуозами-поварами не въ состояніи обмануть нашу натуру.

Она противится чуждой пищѣ и мститъ намъ тяжелыми болѣзнями и нервными расстройствами, вплоть до безнадежнаго помѣшательства. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно также, что человѣкъ и не травоядное животное. Его кишечникъ для этого слишкомъ коротокъ, онъ долженъ бы быть вдвое длиннѣе, а зубы не такъ широки, какъ у травоядныхъ. Человѣкъ принадлежитъ къ иной категоріи животныхъ, — которымъ свойственна пища другая — плоды. Не плотоядное, не травоядное, а плодоядное животное — человѣкъ. И изъ всѣхъ плодовъ лучше всего яблоки. Возьмите, напримеръ, обезьянъ въ лѣсахъ. Онѣ питаются только яблоками, а какія онѣ гибкія, ловкія, сильныя. Ударомъ кисти горилла дробитъ черепъ льва, зубами сплюсчиваетъ дуло ружья.

А ѣсть только яблоки.

Не даромъ библія начинаетъ свое сказаніе о людяхъ, жившихъ въ садахъ и также ѣвшихъ яблоки. Память человечества вѣрно передаетъ ему прошлое. И какъ далеко мы ушли въ сторону отъ этого чистаго, хорошаго прошлаго!..

Безсилыи въ своей злобѣ и дикой аргументаціи, мясѣды прибѣгаютъ къ такимъ ухищреніямъ. Они говорятъ, что употребленіе мяса — это благодѣтельный процѣсъ для высокаго совершенствованія неразвитой твари, ибо мясо животнаго таинственнымъ образомъ въ организмъ человѣка угодобляется въ форму свѣтлой мысли, вдохновеннаго чувства, благороднаго поступка. Вещество несмысленной твари освящается и очищается черезъ тайну питанія, происходящаго въ нашемъ тѣлѣ. Что жъ тутъ, говорятъ они, безнравственнаго? Наоборотъ, скоты намъ должны быть благодарны, что мы ихъ ѣдимъ.

Точъ въ точъ Ницше съ своей теоріей сверх-человѣка. Онъ говоритъ, что вещественныя блага обездоленной массы должны идти на высокое дѣло развитія новаго типа. Очень можетъ быть, что низшее человечество и страдаетъ тамъ на поляхъ, на шахтахъ, въ рудникахъ, на заводахъ, желѣзныхъ дорогахъ и пр. и пр., очень можетъ быть, но тѣ вещественныя блага, которыя добываются рабочимъ классомъ, претворяются таинственнымъ образомъ въ новый, чудный типъ цивилизованнаго человѣка. Страданія вполне выкупаются въ общей экономіи природы, а нечистота капитализма освящается высотой сверх-человѣка...

— Я слушаю васъ и ваши прекрасныя сопоставленія, — подхватилъ Левъ Николаевичъ, — и вспоминаю одну легенду, которую мнѣ монахи рассказывали въ Оптиной пустыни, когда я ходилъ туда молиться...

Вотъ эта легенда.

Въ началѣ Богъ сотворилъ міръ духовный, міръ ангеловъ. Они пѣли хвалу Господу и созерцали величіе Его. Но вотъ, любимѣйшій изъ ангеловъ, объятый гордостью и завистью, возмущилъ пѣлый совѣтъ небожителей и дерзнулъ возстать противъ Бога. Богъ низринулъ его съ тѣмами его приверженцевъ въ мрачный Тартаръ.

Падшіе ангелы превратились въ духовъ

злобы, а ихъ начальникъ сталъ называться Сатаной.

Оставшіеся на небѣ покорные Богу ангелы взмолились Господу:

— Горе, горе намъ! Ты лишилъ насъ товарищей, и число наше не пополнилось...

И прогнѣвался на нихъ Господь:

— Маловѣрные! Не знаете силу Мою? Такъ вотъ вамъ: изъ мерзвѣйшей въ мірѣ твари создамъ подобнымъ вамъ и пополнию число ваше!..

И во гнѣвѣ своемъ сотворилъ Богъ человѣка.

Люди обременены тяжелымъ трудомъ, живутъ въ страстяхъ, въ похоти, въ страданіяхъ, но все не напрасно. Среди нихъ есть святые уголки — монастыри, куда стекаются даянія и сыны страждущей твари, а въ монастыряхъ, по волѣ Божіей, изъ этой мерзвѣйшей твари нарождаются ангелоподобныя существа, дабы исполнилось число павшихъ...

И тутъ же, за стѣнной кельей, я слышалъ, раздавался свистъ большой продольной пилы: жвить!.. жвить!..

Это наемные пильщики рѣзали доски для обитателей „будущихъ ангеловъ“.

— Да, мой другъ, властно въ жизни царствуетъ обманъ, и вы безконечно правы.

— Спасибо, спасибо вамъ за ваше умное и честное слово. Я непременно брошу мясо и послѣдую вашему примѣру.

И, дѣйствительно, съ тѣхъ поръ Левъ Николаевичъ не ѣлъ убойны и одно время доходилъ до питанія одной болтушкой изъ овсянки.

И. Тенероло.

Историческія воспоминанія.

Великая страда. — Героическія средства. — Мостки и мосты. — Паралы и война. — Мечты фронтовика. — Сермяжное во ско. — Уклоненія отъ субординаціи. — Любители женскихъ формъ и покровительницы мужской красоты.

I.

Интересны и поучительны записки П. Н. Глѣбова, начатыя печатаніемъ въ первыхъ двухъ книгахъ „Русской Старины“.

Главный интересъ записокъ сосредоточивается на тѣхъ отдѣльныхъ фактахъ и эпизодахъ, которые приводитъ Глѣбовъ, передавая непосредственныя впечатленія о своемъ участіи въ севастопольской эпопее.

Дни героической обороны уже были сочтены. Люди въ концѣ измучены, желѣзные нервы истерзаны. Ядра, гранаты, бомбы и картечь, ракеты и штуцерныя пули осыпали бастионы и днѣмъ, и ночью. Непріятель не давалъ отдыха. Въ блиндажахъ грязь, мерзость, вонь. Пули не щадятъ и этихъ укрытыхъ мѣстъ и, залетая сюда, вырываютъ защитниковъ. Кадры ихъ рѣдѣютъ. Смерть свое о роде спасеніе, благодать. Жизнь — сплошныя лишения, сплошной ужасъ, вѣчная тревога.

Люди и герои гибнутъ тысячами, замѣнить умершихъ некому. Война застѣла Россію врасплохъ, въ полной неподготовленности. „Какъ много, — восклицаетъ Глѣбовъ, — въ мирное время начальниковъ, такъ сказать, ретивыхъ, и какъ мало ихъ во время войны! Сидеть одинъ съ поприща, и некимъ замѣнить его“.

Главнокомандующій до того сосредоточенъ въ себѣ самомъ и до того озбоченъ, что онъ не только не видитъ ничего, что дѣлается вокругъ его, но даже и не помнитъ многоаго. Вообще, какъ я полагаю, рѣдко изъ начальника штаба, который уходилъ себя канцелярскою

работою, можетъ выйти хорошій главнокомандующій.

Князь Горчаковъ казался до того сосредоточенъ, что не касался ничего, что не вошло въ составъ его канцеляріи. Предположенная на 1-е августа (1857 г.) общая атака занимаетъ всѣ его мысли. Положеніе гарнизона самое отчаянное. Главнокомандующій нерѣшительно медлитъ въ своихъ движеніяхъ. Генералы настаиваютъ, что „лучше умереть разомъ и скорѣе, чѣмъ страдать и мучиться ежедневно въ ожиданіи вѣрной смерти“. Предлагаются самыя героическія средства. Всѣ средства, только бы разомъ окончить войну и побѣдить.

Одинъ изъ прожектеровъ говоритъ убѣжденно:

„Надо ничего не жалѣть и употребить всѣ средства, чтобы кончить скорѣе войну. Нужно, главное, войска и олопчія, и чтобы доставить ихъ какъ можно побѣнѣе на театръ войны, надо употребить для этого всѣ средства, не торгуясь; нулець фуражъ, дайте по три, по четыре рубля за пудъ сѣна, но чтобы онъ былъ. Словомъ, чтобы не нуждались мы ни въ чемъ, что намъ нужно для одолѣнія врага; чтобы мы не торговались на средства, изъ опасенія израсходовать много денегъ, на томъ основаніи, что какъ бы дорого все необходимо намъ ни обошлось, но все-таки оно будетъ дешевле, если война кончится въ скоромъ времени. Напротивъ, торгуясь и жалѣя болшую трату денегъ, мы подвергаемся этимъ самымъ опасности еще болѣе ихъ израсходовать, потому что замедляемъ исходъ войны, поставя себя въ невозможность одолѣть врага. На о доставлять порохъ не изъ Шостки, а построить новые заводы пороховые въ Перекопѣ и Бреславѣ. Мы могли также и устроить въ самое короткое время желѣзную дорогу отъ Москвы до Перекопа; для этого не нужны ни вокзалы, ни вагоны, а только рельсы для перевозки однихъ тяжестей“.

Другой генералъ, отличавшійся величавостью фигуры и самоуверенностью тона, горячо доказывалъ, что наступательное движеніе русскихъ полковъ необходимо.

Орудійнаго огня бояться намъ нечего; надо только молодцами пройти линію прицѣльнаго ихъ выстрѣла; штуцерныя ихъ огонь сидеть въ траншеяхъ, но въ полѣ никакого преимущества предъ нашимъ не имѣетъ; въ числительности, правда, они выѣютъ предъ нами преимущество, но позиціи ихъ растянута на 16 верстъ, тогда какъ мы сосредоточимъ наши силы на нѣвѣ тѣхъ пунктахъ. — „Главное“, продолжалъ декламировать этотъ генералъ послѣ сытнаго обѣда и наслаждаясь куреніемъ сигары: „не надо ограничиваться полумѣрами, не надо останавливаться на польпунктахъ. Восьте прежде всего 60 и 80 эскадроновъ, и чтобы они легли, сломя голову, опрокидывая все, что имъ ни встрѣтится. Занявъ Океухины возвышенности, шхотъ не останавливаться, но, вздохнувъ немного, — „трахъ—трахъ“, и впередъ на Сапувъ-Гору“. И съ этимъ словомъ: „трахъ—трахъ“, Вухмейеръ дѣлалъ преумерительный жестъ правою рукою. По-моему, весь комизмъ подобной выходки не въ томъ, что ораторъ разсуждалъ неосновательно, но въ томъ преимущественно, что онъ выдаетъ себя за горячаго партизана рѣшительныхъ и даже, можно сказать, отчаянныхъ мѣръ, зная напередъ, что персоналъ во не приметъ въ нихъ никакого участія.

Но главнокомандующій медлитъ съ наступленіемъ. Дилкія рчи однихъ нисколько его не вдохновляютъ. Наступательное движеніе не отмѣнено, а отложено на нѣсколько дней. Наступленіе въ принципѣ было давно рѣшено, но на дѣлѣ произвести его оказалось невозможнымъ. Прежде всего нуженъ мостъ

Подполковник 13-го восточно-сибирскаго полка
С. Карловичъ.

Герой Портъ-Артура, прибывшій изъ-днѣхъ въ Петербургъ. Находясь постоянно на передовыхъ позиціяхъ, ни разу не былъ раненъ и не болѣлъ.

черезъ Сѣверную бухту. Нуженъ мостъ, а о мостѣ никто не думалъ. Мысль о его необходимости родилась случайно.

Подъ 9 е августа Глѣбовъ заноситъ въ свой дневникъ слѣдующій эпизодъ о тѣхъ же мостахъ.

Какъ будто нельзя держать солдатъ такъ, чтобы и на войнѣ онъ былъ такимъ же, какъ и въ мирное время; развѣ нельзя придумать головной уборъ, который былъ бы и красивъ, и удобенъ: развѣ нельзя одѣть его такъ, чтобы платье его было и изящно, и спокойно? А те-

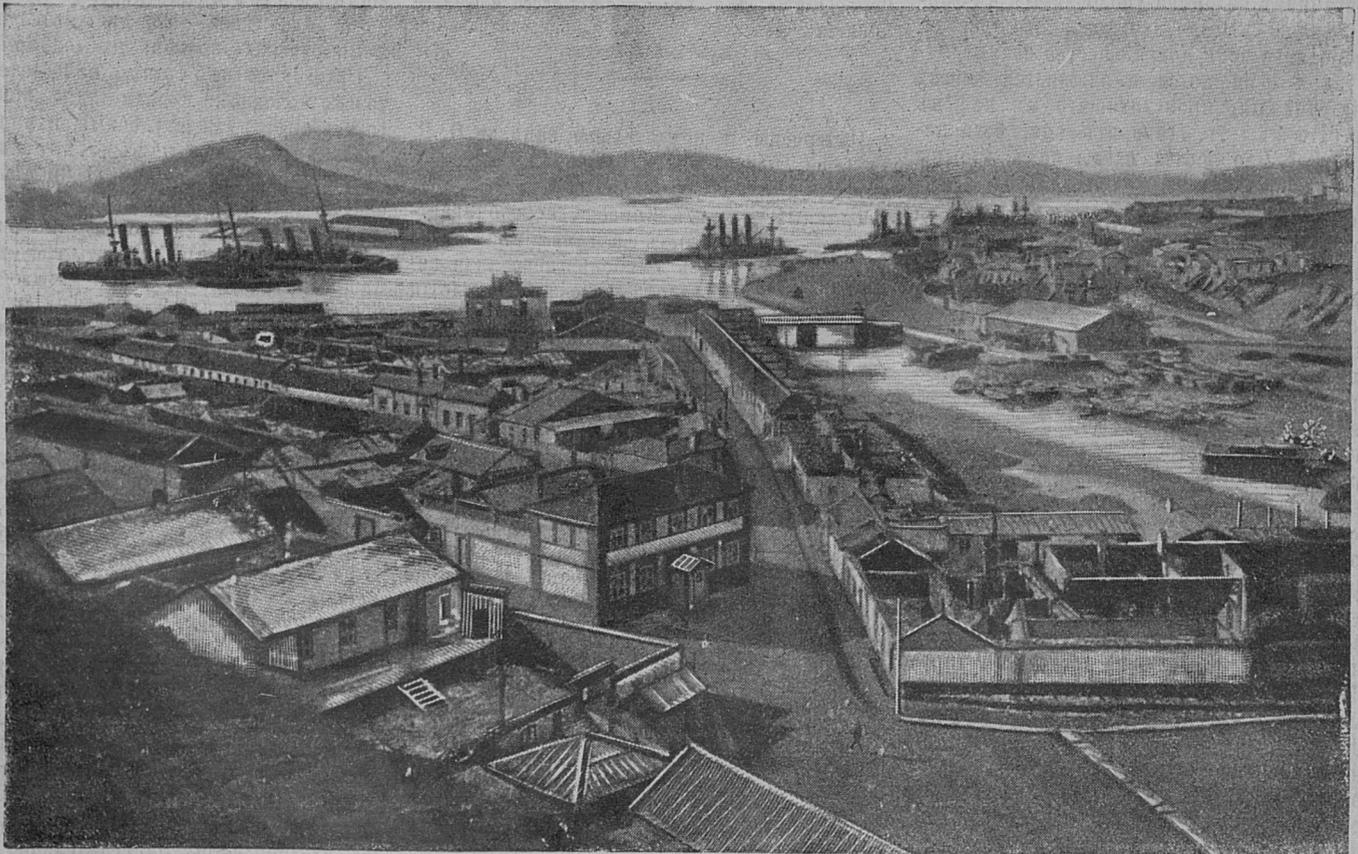
Портъ-артурцы по пути на родину.

(Въ центрѣ г-жа Стессель съ сиротами портъ-артурскихъ героевъ).

Фотографія снята на палубѣ парохода „Св. Николай“.

перь, наприимѣръ, все то, что украшало солдата на смотрѣхъ: мундиры, каски, султаны, даже штаны — все это бросили, потому что все это оказалось неудобнымъ, неловкимъ, стѣсняющимъ въ движеніяхъ,—и пустили его

на поле брани въ однихъ подштанникахъ, да въ безобразной шинели. Отъ этого теперь полки наши походятъ болѣе на толпу мужиковъ, чѣмъ на благоустроенное и дисциплинированное войско.

Портъ-Артуръ въ дни капитуляціи.

Въ центрѣ проходитъ Лушкинская улица.

Фотографія снята въ концѣ декабря истекшаго года.

„Смерть графа Келлера“. — Картина И. И. Бунина.
Со снимка нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

„На бивакъ“. — Узъ серіи новыхъ набросковъ на театръ войны И. С. Самокиша.
Со снимка нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.
(См. ст. на стр. 57).

II.

Сърая сермяжная масса, выдѣлившая изъ себя столько петинныхъ героевъ во время осады, вызываетъ въ авторѣ записокъ порипаніе. Порипаніе виѣшнему ея чумазому виду. Старый фронтовикъ николаевскихъ временъ, воспитанный на красотѣ парадовъ, Глѣбовъ, не можетъ примириться съ виѣшнимъ видомъ русскаго солдата. Послѣдній, по его мнѣнію, „опустился до нелзя“, „по походкѣ и выправкѣ обратилъ въ первобытное состояніе — въ мужика“.

Мужичій видъ арміи, собранной изъ миллионовъ крѣпостныхъ рабовъ, приводитъ Глѣбова въ смущеніе. Онъ сокрушенно думаетъ о томъ, что пройдетъ еще много времени, прежде чѣмъ удастся снова „подтянуть русскаго солдата“.

Въ пеклѣ севастопольской страды — недавній щеголь столичныхъ парадовъ превратился въ заброшенное существо „безъ галстука, въ грязной рубахѣ и съ накинутой на плечи безобразной шинелью“, которую онъ носилъ, какъ звѣрь шкуру, во все время года, — и лѣтомъ, когда жара доходитъ до 40 градусовъ, и зимою, когда холодъ въ 30 градусовъ.

Впрочемъ, видъ русскаго солдата пробуждаетъ въ наблюдатель-авторѣ „Записокъ“ и другія мысли. Онъ рѣзко подчеркиваетъ нашу двойственность. „У насъ какъ будто два особыхъ войска: одно для мирнаго, а другое для военнаго времени“.

Въ Главной квартирѣ разнесся слухъ, будто бы главнокомандующій представилъ къ наградамъ всѣхъ генераловъ, за исключеніемъ графа Орлова и Бухмейера. Этотъ послѣдній огорчился и пріѣхалъ подѣлиться своимъ горемъ съ Крыжановскимъ, жалуюсь ему на свои неудачи по службѣ. Крыжановскій, какъ чловѣкъ прямой, откровенно сказалъ ему, что его и не за что представлять къ наградамъ, такъ какъ онъ ничего въ арміи не дѣлаетъ.

— Какъ ничего? — возразилъ Бухмейеръ: — кто же построилъ мостики черезъ Черную рѣчку, какъ не я?

— Мостики, а не мосты, — смѣясь, сказала Крыжановскій: — но вотъ, если бы вы построили намъ мостъ черезъ бухту, то это было бы дѣло славное.

И говоря это, самъ Крыжановскій вовсе и не думалъ о возможности построить мостъ черезъ бухту.

— Да на какомъ же мѣстѣ его построить?

— Какъ на какомъ? — тѣмъ же тономъ продолжалъ Крыжановскій, — у выхода, гдѣ затоплены корабли: вамъ стоитъ только перебросить черезъ нихъ доски, и мостъ готовъ.

Черезъ три или четыре дня снова пріѣзжаетъ Бухмейеръ, и уже серьезно объявляетъ Крыжановскому, что онъ находитъ возможнымъ построить мостъ черезъ бухту, но только не у выхода, а посредствѣмъ бухты, и что онъ составилъ уже и смѣту, и проситъ его доложить обо всемъ главнокомандующему. Крыжановскій отказался докладывать князю, но, одобряя вполне мысль Бухмейера, предложилъ ему самому доложить главнокомандующему. Такимъ образомъ, отъ шутки — родилась мысль о столь важной работѣ, которая принесетъ намъ, безъ сомнѣнія, пользу необычайную, если только будетъ окончена прежде паденія Севастополя. Да и сѣмта незначительная: всего 30 тысячъ рублей.

Такіе эстеты, возмущенные видомъ сѣраго мужичья, успокаивали свои нервы и находили примиреніе съ дѣйствительностью посредствомъ созерцанія „женскихъ формъ“. Созерцали, смаковали и успокаивались, несмотря на то, что „женскія формы“ не принадлежали „купальницамъ-красавицамъ“.

Въ „степи и жукъ мясо“, — даетъ ремарку Глѣбовъ, поясняя далѣе, что если въ осажденномъ Севастополѣ находились любители созерцанія женскихъ несовершенныхъ формъ, то въ Петербургѣ многія „дамы высшаго полета“ (?) были большими „любительницами до взятныхъ мужскихъ формъ“.

„Любительницы“ верѣдко выступали въ роли покровительницъ и „сами, сходя съ ума“, выдвигали впередъ своихъ протеже по лѣстницѣ государственныхъ и служебныхъ отличій...

„Любови все возрасты покорны“, а красота „формъ“ — страшная сила...

Ник. Носковъ.

Забавный обычай и грустная дѣйствительность.

(Изъ жизни эскадры адмирала Рожественскаго).

Переходъ черезъ экваторъ — это въ нѣкоторомъ родѣ таинство для моряка, утратившее, правда, свою цѣнность съ той поры, какъ парусники были вытѣснены паромъ. Но въ прежнія времена, и отчасти теперь, каждый морякъ ведетъ счетъ, сколько разъ онъ перевалилъ черезъ поясъ земли. Эта цифра иногда бываетъ почти сказочно-большой, и тогда въ ея знакахъ въ различаетъ особый символъ преданной любви чловѣка къ стихіямъ водъ и суровую, напряженную борьбу, требующую много отваги... Короче говоря, передъ вами чловѣкъ, имѣющій право гордиться своимъ внутреннимъ складомъ, выработаннымъ однимъ изъ самыхъ красивыхъ проявленій жизни — борьбой со стихіей.

Переходъ черезъ экваторъ открываетъ новый міръ. Сѣверный вѣтеръ несетъ тепло; южный — холодъ. Солнце къ полудню становится на сѣверѣ. Луна, только что родившаяся для сѣверныхъ жителей, умираетъ за экваторомъ. Новое небо, звѣзды новыя, чужія... Исчезаютъ Медвѣдицы, а созвѣздіе Южнаго Креста сѣмьт среди богатаго звѣздами южнаго неба.

Все это должно дѣйствовать на воображеніе и заставляетъ чловѣка мысленно обернуться назадъ и сопоставить то, что онъ оставилъ въ прошломъ, съ тѣмъ, что раскрылось передъ нимъ въ настоящій моментъ. И если теперь, съ нашими отчетливыми познаніями о строеніи видимой вселенной, новый міръ южнаго полушарія все-таки отражается на чловѣкѣ, то какимъ потрясеніемъ отзывалось это на древнихъ, съ ихъ обожествленіемъ природы: — Новое небо, новыя звѣзды, — все это новые боги...

Съ древнихъ временъ установился обычай, пересѣкая экваторъ, приносить въ той или иной формѣ жертвоприношеніе Нептуну. Этотъ обычай не исчезъ и съѣчасъ, выродившись только въ форму забавной фееріи, персонажъ которой, наряду съ выходцами языческаго міра, виѣщаетъ въ себѣ представителей позднѣйшей цивилизаціи.

Удивительная цѣлкость, съ какой моряки держатся различныхъ преданій, мѣшаетъ имъ отпасть отъ установленныхъ традицій. Самые разсудительные капитаны бросаютъ монеты въ нѣкоторыхъ, наиболѣе опасныхъ мѣстахъ моря, гдѣ частая крушенія судовъ создали легенду о свирѣломъ божествѣ, которое необходимо смягчить „воздавніемъ“.

Къ порядку суевѣрія относится также указанное выше празднованіе прохожденія черезъ экваторъ. Въ этомъ отношеніи не измѣнилась стародавнимъ традиціямъ и эскадра адмирала Рожественскаго, и, вѣроятно, многимъ будетъ интересно узнать, какъ отпраздновался этотъ знаменательный моментъ.

На судахъ эскадры была поставлена феерическая картина, довольно своеобразная и очевидно, подлаженная подъ вкусы большинства зрителей — матросовъ. Картина озаглавлена „Переходъ черезъ экваторъ“. Ея персонажа очень велики и разнообразны: главенствуетъ, конечно, Нептунъ, участвуютъ также Венера, а за этими двумя небожителями идетъ прочая мелкота, вроде наядъ, сиренъ, тритоновъ и неизмѣнныхъ спутниковъ всякой чертовщины — самихъ чертей. Но наряду съ этими представителями сверхъестественнаго имѣются и лица совершенно земныя, даже слишкомъ земныя, какъ, напримеръ, парикмахеръ или мамка, на рукахъ которой „зазеленутая собака или поросяенокъ“.

Что касается костюмовъ участвующихъ лицъ, то можно отмѣтить, что въ этомъ отношеніи не поспешили на дубочныя красныя. Приводимъ текстъ всей сценки, разыгранной среди океана, какъ дань вѣковому обычаю.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ ЭКВАТОРЪ.

В Ы Х О Д Ъ.

Г е р о л ь д ъ.

Слѣдомъ за мной идетъ царь морской.
Будетъ по своему уставу
Чинить всея судъ и расправу.

Н е п т у н ъ.

Что за люди и по какой причинѣ
Тревожатъ меня въ морской пучинѣ?
Я владыка океана,
Подать мнѣ капитана.
(Капитанъ объясняетъ, какой корабль, куда и зачѣмъ идетъ).

Н е п т у н ъ.

Такъ нѣтъ что-ли вамъ чистаго пути океаномъ,

Прямо на экваторъ прете тараномъ,
И что за шумъ меня разбудилъ
И все мое царство переполошилъ,
И въ честь кого вы кричали
И мое бѣдное дитя перепугали,
(Мамка тискаетъ собаку, и она пищитъ).
Штурмана-то ваши, видно, плохого сорта,
Не ходили дальше Дагерорта.
Мои будутъ почище;
Ну-ка, ты, ползи, штурманище.
Да смотри, шевели руками,
А я познакомлюсь съ чумаками.
(Штурманъ и его помощникъ дѣлаютъ наблюденія. — Нептунъ продолжаетъ).

Первымъ дѣломъ, скажу для приѣбра, — вотъ это Венера,
Шибко баба блудлива, зато въ нарядахъ не прихотлива.
Люблю ее за простоту — и, чтобы скрыть наготу,
Вспѣннить кругомъ воду — только и всего расхода.

В е н е р а.

Молчи, старый болтунъ! господа, это царь Нептунъ,
А я Венера, — попросите сюда старшаго офицера.

(Старшій офицеръ проявляетъ свое удивольствіе по поводу знакомства и спрашиваетъ, что нужно).

В е н е р а.

Хочу, чтобы вы сами познакомили съ вашими мичманами,
Такъ принято въ большемъ свѣтѣ — не то будете въ отвѣтъ,
А зато я вамъ представлю своихъ привольныхъ дамъ.
Вотъ это наяды — показать рады,
Вольшія баловницы, вашими русалками родныя сестрицы;

А вотъ это сирены—родятся отъ морской пѣны,
Имѣютъ зеленый волосъ и богатый голосъ,
Поютъ пѣсни хоровныя громче, чѣмъ сирены судовыя.

Нептунъ (перебиваетъ).

А это мои тритоны, прямо скажу, баритоны,
На раковинахъ играютъ чисто,—переплюнуть
вашего штабъ-горниста.

Да и вся моя свита,—не клиномъ сшита.
Эй, штурманъ! Чего повернулся задомъ,
Иди скорѣй ко мнѣ съ докладомъ.

Штурманъ.

Доношу вашему степенству безъ обмана,
Какъ пущенъ экваторъ поперекъ всего океана,

То какимъ имъ курсомъ не лечь,
А придется его пересѣчь.

Нептунъ.

Коли ужъ хѣлу оборотъ такой,
Придется имъ дать билетъ пропускной.
Возьми бинокль, да взгляни изъ-подъ руки,
не сигнальте-ли
Администраторъ, что сторожить нашъ экваторъ,

Нѣтъ-ли въ немъ искривленія
И во что обойдется исправленіе.

Штурманъ.

Ясно вижу два сигнала:
Экваторъ поврежденъ мало-мало,—
Исправленіе сдѣлаемъ; между прочимъ,
Надо только дать по чаркѣ рабочимъ.

Нептунъ.

А дастъ-ли капитанъ разрѣшеніе на это угощеніе.

(Капитанъ соглашается).
Вотъ это дѣло—поплывете впередъ смѣло
И не будетъ вамъ огорченья отъ вѣтра и

отъ теченья,
Соберу дельфиновъ разомъ и по всѣмъ морямъ
пошлю съ указомъ—

Чувить вамъ одно удовольствіе и не брать
денегъ за рыбное продовольствіе.

Только скажу одно, какъ оно и заведено,
Слѣдуетъ по уставу надъ сѣрыми сотворить
судъ и расправу:

Кто первый разъ меня пришелъ провѣдять,
Тотъ долженъ соленой воды отвѣдать.

Эй сюда, Люциферъ,
Подай сюда списокъ гг. офицеровъ!
Богатый можетъ откупаться,
А прочіе — ползи купаться.

Вы, прочіе російскіе моряки,—
Мнѣ извѣстны какъ бѣдняки.
Съ васъ мнѣ ничего не собрать,
Буду я васъ всѣхъ купать.

Эй вы, мои вѣрные люди, всѣхъ хватай
да водой морской поливай!
Какъ явствуетъ изъ финала, сцена завершится
купаньемъ въ морской водѣ, взятой изъ пучины экватора.

Отъ сценки, будто бы увеселительной, мы
обратимся къ дѣйствительности. Представимъ
себѣ, что уже стихъ послѣдній монологъ
Нептуна, и поливаніе команды морской
водой изъ брансбойта также кончилось. Если
и было у кого-нибудь изъ зрителей незначи-
тельное увлеченіе всей происходившей воз-
ней, то теперь, говоря словами Фета—“мигъ
одинъ—и нѣтъ волшебной сказки, и душа
опять полна возможнымъ”.

И вотъ, одна изъ страничекъ возмож-
наго:

Мы идемъ въ походъ съ комфортомъ, и
это наше преимущество, обыкновенно, состав-
ляетъ предметъ зависти сухопутныхъ офице-
ровъ. Мы имѣемъ прекрасный столъ, ситимъ

въ койкахъ и въ теплыхъ, иногда, правда,
нестерпимо жаркихъ каютахъ. Наконецъ, мы
можемъ съѣсть въ покойной кресло и пользо-
ваться услугами судовой библиотеки.

„Все это несомнѣнный комфортъ, но я увѣ-
ренъ, что изъ ста офицеровъ—99 навѣрное
променяютъ его на драгоцѣнное право со-
вершить походъ въ человѣческихъ условіяхъ
—не въ смыслѣ обереганія своего тѣла, ко-
нечно,—а въ смыслѣ духа. Мы оторваны отъ
родины, идемъ два мѣсяца на войну, и никто
не считаетъ своимъ долгомъ сообщить намъ,
что дѣлается на театрѣ войны. Съ перваго
октября мы ничего не знаемъ. Какіе-то отры-
вочные слухи, вносящіе тревогу, но не да-
ющіе увѣренности факта, порождающіе му-
чительное безпокойство своими тяжелыми
намекнами. Не говорю уже о томъ, что никто
изъ насъ не имѣетъ никакихъ вѣстей отъ
родныхъ“ (13-го декабря).

„Слухи о возможности нападенія изъ-за
угла ставятъ сразу весь личный составъ въ
положеніе исключительно-напряженное. Тре-
буется, чтобы по пробитіи тревоги всѣ
были бы наверху черезъ ½ минуты. Конечно,
ночь уже надо проводить не раздѣваясь. И
это требованіе не капризъ, такъ какъ ясно,
что, если корабль не можетъ открыть огонь
по миноносцу черезъ ½ минуты, то онъ самъ
долженъ будетъ погибнуть. Въ цѣлыхъ трени-
ровки команды, каждый день бьется тревога
отбитія минныхъ атакъ. Орудія остаются го-
товыми всю ночь, съ поданными къ нимъ па-
тронами изъ погребовъ. Придуга спитъ около
орудій“.

Дальше въ письмѣ,—съ назойливостью из-
страдавагося человѣка,— снова тянутся
еще болѣе горькія жалобы на безмолвіе ро-
дины.

„Грустно сознавать, что Россія забыла о
людяхъ, жаждущихъ свѣдѣній съ театра войны.
„Съ глазъ долой—изъ сердца вонъ“. Вѣроятно,
въ Россіи думаютъ: „эскадра пошла, идетъ и
пусть плыветъ дальше, а мы посмотримъ со
стороны, какъ она дойдетъ и какъ выполнитъ
свою задачу“.

„А между тѣмъ, малѣйшая вѣсточка съ
театра войны была бы немедленно отпечатана
въ сотняхъ экземплярахъ и проглочена исто-
сковавшимися въ невѣдѣніи, голодными
людьми“.

Итакъ, читатель, если вы вспыхнули него-
дованіемъ, если бутафорская борода будетъ
ошибочно принята вами за дѣловителную,
и механику дѣла вы сочли за отраженіе духа,—
то сумѣйте различить мятущуюся, неспокой-
ную тоску въ приведенныхъ выше строкахъ.
Говорите непременно всѣмъ и каждому, что
только полная освѣдомленность въ происхо-
дѣющемъ дастъ сознательную крѣпость духа, и
что, поэтому, нельзя предоставлять отъзвон-
ныхъ отъ родины сыновъ Россіи на растерза-
ніе смутнымъ слухамъ, въ которыхъ не раз-
личишь, гдѣ кончается правда и начинается
вольная фабрикація.

Сознайте, наконецъ, что намъ, окруженнымъ
людьми одной съ нами крови, тяжело переко-
сить свершающіеся опредѣленные факты, но,
что въ тысячи кратъ тяжелѣе урывать не-
опредѣленные и чаще всего преувеличенные
слухи отъ чужихъ людей.

У чужихъ людей есть цинизмъ откровен-
ности, но нѣтъ сочувствія горю...

Бор. Демчинскій.

Академикъ Н. С. Самокишъ.

(Къ картинамъ на стр. 53 и 56).

Академикъ батальной живописи Н. С. Само-
кишъ—уроженецъ Черниговской губерніи.
Предки его были запорожцы. Этимъ отчасти
объясняется то направленіе, которое избралъ
себѣ въ живописи даровитый художникъ,
его любовь къ оружію, къ лагерной боевой
жизни—стремленія, безъ которыхъ трудно
сдѣлаться настоящимъ, вооруженнымъ необ-
ходимыми званіями батальистомъ.

Окончивъ нѣжинскую гимназію, Самокишъ
поступилъ въ академію художествъ. Быстро
переходя изъ класса въ классъ, онъ очутился
въ батальномъ, которымъ завѣдывалъ тогда
покойный Виллевалдъ.

Занятія въ батальномъ классѣ шли по разъ
навсегда установившейся рутинѣ. Въ темную
мастерскую, съ темными стѣнами, приводили
темную кавалергардскую лошадь. И этюды
получались темные, лишенные воздуха, слов-
но законченные. Эта система не удовлетворя-
ла Самокиша. Его тянуло изъ темной мастер-
ской съ ея темной кавалергардской лошадью
въ академическую бібліотеку, гдѣ онъ цѣлы-
ми часами просиживалъ надъ репродукціями
и офортами съ Мейсоновъ, Невилля и Детайля.

За программу „Гвардейскіе уланы возвра-
щаются съ атаки въ 1812 году“, находящуюся
теперь въ академическомъ музѣ, Само-
кишъ получилъ большую золотую медаль и
четырехлѣтнее заграничное пенсіонерство.

Черезъ нѣкоторое время, благодаря лишь
большой протекціи, Самокишъ сдѣлался уче-
никомъ Детайля. Самъ единственный ученикъ
Мейсоновъ, Детайль тщательно избѣгалъ пре-
подавательской дѣятельности.

При всемъ своемъ мастерствѣ, сухой,
разсудочный Детайль не производилъ на Са-
мокиша такого сильнаго впечатлѣнія, какъ
яркій колористъ Невилль, озарившій свои
картины творческимъ огнемъ и настоящей
трепещущей жизнью. Нравилась русскому
художнику и техника Невилля, эскизная,
бурная, порывистая. Самокишъ превосходно
съ удивительною точностью скопировалъ въ
Люксембургѣ одинъ изъ лучшихъ эскизовъ
Невилля, гдѣ французскіе солдаты подъ убій-
ственнымъ свинцовымъ дождемъ пытаются
поджечь двери дома, гдѣ засѣли пруссаки.

Во время своего пенсіонерства Самокишъ
бѣдиль въ Самаркандѣ и на Кавказѣ—и много
тамъ работалъ съ натуры. Возвратившись въ
Россію уже совсемъ, онъ за цѣлую серію ба-
тальныхъ картинъ и этюдовъ получилъ ака-
демика.

Семь мѣсяцевъ пробылъ Самокишъ на Даль-
немъ Востокѣ, принималъ участіе во многихъ
сраженіяхъ и вернулся оттуда съ большимъ
количествомъ, около двухсотъ—рисунковъ,
этюдовъ и акварелей. Въ свое время объ этихъ
интересныхъ вещахъ мы говорили подробно.
Онѣ будутъ выпущены отдѣльнымъ альбомомъ,
съ текстомъ автора, заключающимъ въ себѣ
его путевыя и военныя впечатлѣнія. Что же
касается оригиналовъ, то весьма будетъ жаль
если они разойдутся по частнымъ рукамъ.

В.

ПОДЪЛКА ПОДПИСЕЙ МИЛЛАРДЕРА

КАРНЕДЖИ.

Въ Кливлендѣ, въ Америкѣ, недавно
разбиралось любопытное дѣло по обви-
ненію нѣкоей г-жи Кэдвикъ въ поддѣл-
кѣ подписей извѣстнаго архимилліонера
Карнеджи на векселяхъ, учтенныхъ
ею затѣмъ въ различныхъ второстепен-
ныхъ американскихъ банкахъ. Общая сум-
ма мошеннически добытыхъ такимъ обра-
зомъ г-жей Кэдвикъ денегъ исчисляется

Генераль-маіоръ Н. А. Третьяковъ,
герой Портъ-Артура, раненъ.

въ нѣсколько милліонѣвъ долларѣвъ... Авантюристка вылавала себя за побочную дочь Карнеджи, и даже послѣ обнаруженія ея подлоговъ, уже на предварительномъ слѣдствіи, держала себя увѣренно и съ достоинствомъ, повторяя, что „отецъ“ не только уплатитъ всѣ ея долги, но и приметъ всѣ мѣры къ наказанію Карнеджи, дѣйствительно, уплатилъ пострадавшимъ отъ подлоговъ американскимъ банкамъ, въ виду того, что

нѣкоторые изъ нихъ очутились, благодаря своей излишней довѣрчивости, на краю гибели, и милліардеръ, для котораго нѣсколько милліонѣвъ ничего не значать, вошелъ въ положеніе мелкихъ вкладчиковъ пострадавшихъ банковъ. Но съ тѣмъ большей энергіей Карнеджи повелъ дѣло противъ авантюристки, на

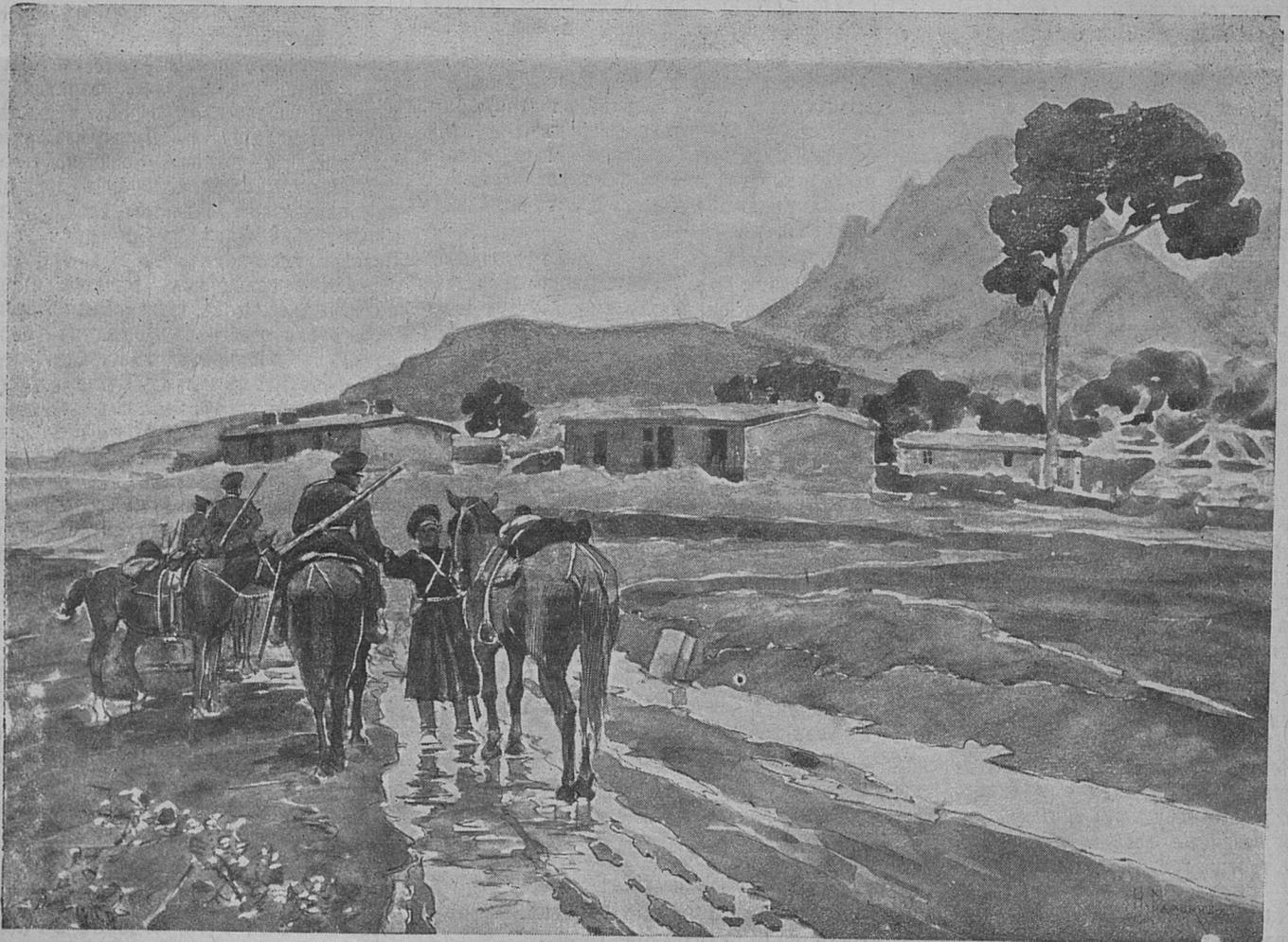

Художникъ Н. С. Самокишъ.
(См. ст. на стр. 55).

Подполковникъ баронъ Н. Р. Мирбахъ.
убитый въ бою у деревни Санюхень, 15-го февраля.

примѣрномъ наказаніи которой настаиваетъ. Милліардеръ самъ явился въ Кливлендъ, чтобы дать предъ присяжными свое показаніе въ качествѣ свидѣтеля по этому дѣлу. Предъявленъ я ему подписи онъ всѣ призналъ подложными и заявилъ, что никогда не представлялъ себѣ, чтобы можно было кого-нибудь обмануть такой грубой, неловкой поддѣлкой.

„На развѣдкѣ“. — Изъ серіи новыхъ набросковъ на театрѣ войны Н. С. Самокиша.
Со снимка нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.
(См. ст. на стр. 55).